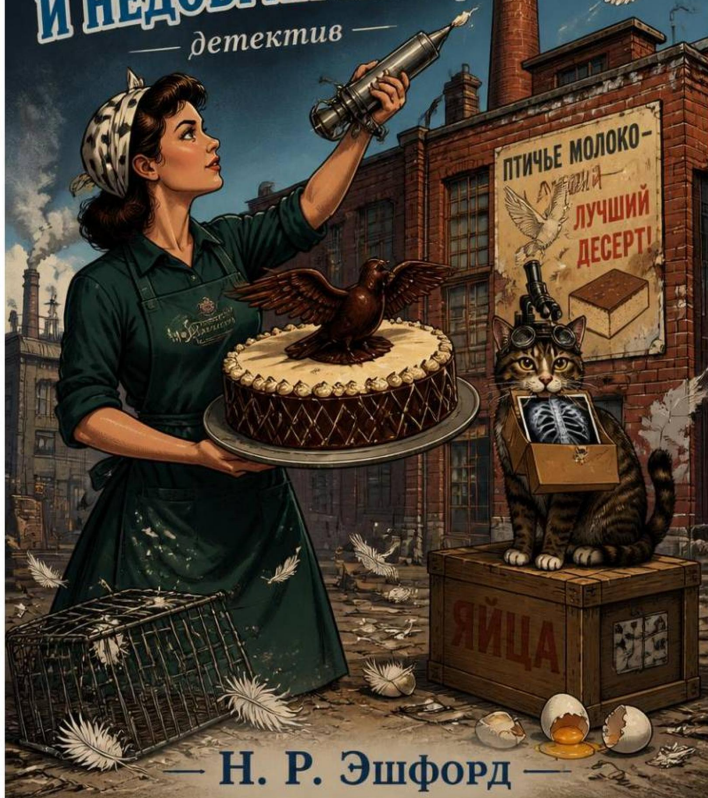

Выпечка от Манечки. Детектив со вкусом

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРТ “ПТИЧЬЕ МОЛОКО” И НЕДОБРАЯ ПТИЦА

— детектив —

— Н. Р. Эшфорд —

Николас Эшфорд

Торт "Птичье молоко" и недобрая птица

<https://litres.ru/74300894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Манефа Воронова, королева домашней выпечки и детектив поневоле, получает заказ на торт «Птичье молоко» для закрытого мероприятия. Знаменитый гастро-критик Геннадий Палыч Закусочный обещает дать десерту высший балл. Но после дегустации критик падает в обморок, а в его крови находят следы редкого яда. Все улики ведут к Манефе, и теперь ей предстоит доказывать свою невиновность в компании мужа-следователя, верной подруги Лерки и, конечно, рыжего детектива Марсея.

Расследование приводит к старой птицефабрике, где вместо кур разводили секретные ингредиенты, к таинственному обществу «Хранителей старого вкуса» и к подпольной борьбе кулинарных школ. Кто подсыпал яд в торт? Зачем кому-то стирать память критику? И что скрывает пекарня «Хлеб времени», где даже мука хранит свои секреты?

«Продолжение полюбившейся серии, где каждая страница — как свежий эклер: неожиданная начинка, хрустящий сюжет и послевкусие, которое хочется сохранить».

Содержание

Часть I. Сладкая рецензия	6
Глава 1. Торт-претендент	6
Глава 2. Критик без памяти	18
Глава 3. Отравление, которого не было	34
Глава 4. Птичьи следы	49
Глава 5. Лерка в курятнике	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николас Реймонд Эшфорд

Торт "Птичье молоко"

и недобрая птица

Оглавление

Часть I. Сладкая рецензия

Глава 1. Торт-претендент

Глава 2. Критик без памяти

Глава 3. Отравление, которого не было

Глава 4. Птичьи следы

Глава 5. Лерка в курятнике

Часть II. Яичная скорлупа

Глава 6. Школы и интриги

Глава 7. Бывший ученик

Глава 8. Запертый цех

Глава 9. Марсель против дрожжей

Глава 10. Лаборатория вкуса

Часть III. Недостающий ингредиент

Глава 11. Рецепт, который крали

Глава 12. Конкуренты на рынке

Глава 13. Подслушанный разговор

Глава 14. Операция «Наседка»

Глава 15. Птицефабрика ночью

Часть IV. Горячий пирог

Глава 16. Разоблачение на капитанском мостике

Глава 17. Мотивы, которые не лежат на поверхности

Глава 18. Память возвращается

Глава 19. Новый торт и новый отзыв (эпилог)

Часть I. Сладкая рецензия

Глава 1. Торт-претендент

Если вы думаете, что после раскрытия дела о письмах Екатерины Серебряковой, разоблачения убийцы на теплоходе и возвращения из Батуми жизнь в «Шале-Петушках» вошла в спокойное русло, то вы, как обычно, ошибаетесь. Спокойствие в нашем посёлке — понятие такое же относительное, как «диетический» эклер или «тихий» вечер с Леркой Каблуковой. Оно может длиться ровно до тех пор, пока кто-то не решит, что нам срочно нужны новые приключения, и не подкинет нам заказ, от которого невозможно отказаться.

Всё началось с того, что я стояла на кухне в своём любимом фартуке с вышитыми вишнями (подарок Лерки к нашему возвращению из Батуми) и колдовала над новым десертом. Торт «Птичье молоко» — нежный, воздушный, с суфле, которое тает на языке, и с шоколадной глазурью, которая блестела так, что в неё хотелось смотреться как в зеркало. Это был не просто торт. Это был мой вызов самой себе. Моя заявка на то, что я не просто «кондитерша-детектив», а настоящий мастер, способный создавать кулинарные шедевры, которые запоминаются навсегда.

Марсель, как обычно, сидел на холодильнике и смотрел на

меня с выражением, которое можно было перевести только так: «Ты опять печёшь эту сладкую ерунду, а не нормальную колбасу? Когда уже будут котлеты?» Я проигнорировала его красноречивый взгляд и сосредоточилась на суфле. Взбивать белки нужно было до устойчивых пиков, чтобы торт получился именно таким, каким его задумали ещё в советские времена — лёгким, как облако, и тающим во рту.

— Маня! — в кухню ворвалась Лерка, как всегда, без стука и с чашкой кофе в руке. — Ты не поверишь! Сегодня в «Шале-Петушки» приезжает сам Геннадий Палыч Закусочный! Тот самый гастро-критик, про которого все говорят! Он будет дегустировать наш новый торт!

— Палыч? — я удивлённо подняла бровь, продолжая взбивать белки. — Тот самый, который пишет такие жёсткие рецензии, что после них рестораны закрываются?

— Он самый! — Лерка подпрыгнула от возбуждения. — Я слышала, что он обещал дать твоему торту высший балл. Он сказал, что «Птичье молоко» — это его любимый десерт, и если кто-то сможет приготовить его идеально, то это будешь ты!

Я почувствовала, как внутри меня закипает волнение. Геннадий Палыч Закусочный был легендой в мире гастрономии. Его рецензии читали миллионы, и одно его слово могло либо вознести ресторан на вершину славы, либо уничтожить его репутацию за один вечер. Если он действительно даст моему торту высший балл, это будет не просто призна-

нием. Это будет билетом в мир большой кулинарии.

— Когда он приезжает? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало.

— Сегодня вечером! — Лерка уже металась по кухне, проверяя, всё ли у нас есть для идеального дегустационного ужина. — Я уже всё организовала. Он будет дегустировать торт в ресторане «Белая акация». Там будет закрытое мероприятие. Только избранные. И, конечно, ты!

Я смотрела на торт, который уже начинал принимать форму, и чувствовала, как внутри меня разливается странная смесь гордости и тревоги. Я вложила в него всю свою душу, все свои знания, все свои секреты. Я использовала настоящие сливки, отборные яйца, шоколад высшего качества. И, конечно, добавила щепотку любви — ту самую, о которой писала Марфа Перепонкина в своих рецептах.

Вечер наступил быстрее, чем я ожидала. Мы с Леркой приехали в «Белую акацию» за час до мероприятия. Торт, упакованный в специальный контейнер с охлаждением, стоял на столе, ожидая своей звёздной минуты. Ресторан был украшен цветами и свечами, и я чувствовала себя почти как на премьере собственного фильма.

Геннадий Палыч Закусочный появился ровно в восемь. Это был высокий мужчина лет шестидесяти, с седой, аккуратно подстриженной бородкой и в безупречном костюме. Его глаза были пронизательными, а улыбка — немного ироничной. Он подошёл ко мне, пожал руку и сказал:

— Манефа Воронова, я много слышал о вас. Говорят, вы не только кондитер, но и детектив. Сегодня я хочу оценить вашу работу как кондитера. Надеюсь, вы меня не разочаруете.

— Постараюсь, — улыбнулась я, хотя внутри всё дрожало.

Он сел за столик, и официант подал ему десерт. Я стояла в стороне и смотрела, как он берёт ложку, как аккуратно отрезает кусочек торта, как подносит его ко рту. Мир замер. Я слышала только биение своего сердца и тишину, которая воцарилась в зале.

Он откусил. Его глаза закрылись на мгновение. Потом он открыл их, посмотрел на меня и сказал:

— Это... это невероятно. Это лучший «Птичье молоко», который я когда-либо пробовал. Манефа, вы гений.

Я почувствовала, как внутри меня разливается тепло. Мы сделали это. Мы победили.

Но в этот момент Геннадий Палыч побледнел. Его лицо исказила гримаса боли. Он схватился за горло и упал со стула. В зале раздались крики. Кто-то вызвал скорую. Я стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела, как его уносят на носилках.

— Что произошло? — спросила Лерка, подбегая ко мне. — Он отравился? Но мы же не добавляли яд!

— Я не знаю, — прошептала я, чувствуя, как мир рушится вокруг меня. — Я не знаю, что произошло.

Через несколько часов в больнице нам сообщили: Генна-

дий Палыч Закусочный в коме. Его отравили. Ядом, который был в торте. Полиция уже начала расследование, и все подозрения пали на меня.

Я сидела на кухне в полной темноте и смотрела на пустой стол, где ещё недавно стоял мой торт. Марсель подошёл ко мне и запрыгнул на колени. Я обняла его и прошептала:

— Что же делать, хвостатый? Что же делать?

Кот в ответ замурлыкал, и я почувствовала, как его тепло разливается по моему телу. Мы найдём правду. Мы всегда находим правду.

Но сначала мне нужно было понять, как яд попал в мой торт. И кто мог это сделать. Я знала одно: я не виновна. И я докажу это.

— Это не просто улучшитель вкуса, — сказала я, перелистывая страницы. — Здесь написано, что добавка может вызывать временную потерю памяти. И она идентична по составу тому яду, который нашли в крови Геннадия Палыча.

Лерка подошла ближе и заглянула в книгу. Её глаза, сначала округлившиеся от удивления, сузились, став такими же прищуренными, как у нашей бабы Нюры, когда она раскрывает очередную сплетню.

— Значит, это не просто отравление, — медленно произнесла она. — Это была проверка. Кто-то испытывал на нём новый «улучшитель»? Или хотел проверить, как он действует?

— Или хотел, чтобы критик забыл то, что он видел или

знал, — я провела пальцем по странице. — Здесь есть пометка: «Дозировка для полного эффекта — одна ложка». Мы нашли её в его бокале? Нет, мы знаем, что яд был в торте. Но кто-то добавил эту дозу именно в ту порцию, которую он съел.

Мы переглянулись. Марсель, который до этого тихо сидел у двери, вдруг насторожился и начал припихиваться к полу. Он подошёл к столу, где стояла открытая книга, и начал скрести лапой по её странице, словно пытаясь указать на что-то. Я наклонилась и увидела, что под книгой лежит ещё один лист — на этот раз с рецептом, написанным от руки.

— «Птичье молоко по рецепту Манефы Вороновой», — прочитала я и замерла. — Это мой рецепт. Но он изменён. Здесь вместо ванили добавлен какой-то экстракт. И написано: «для теста». А внизу приписка: «секретный ингредиент — экстракт ферментированных дрожжей с добавлением...»

Я не успела дочитать — сзади раздался скрип половицы. Мы с Леркой обернулись и увидели фигуру в длинном плаще, которая уже была у двери и стремительно исчезала в коридоре.

— Стой! — крикнула Лерка и рванула следом, но я схватила её за руку.

— Не надо. Он слишком быстро уходит, и мы не знаем, есть ли у него оружие. Сначала нужно вызвать полицию и снять отпечатки с этой книги.

Через час птицефабрика была оцеплена. Следовательно, ху-

дощавый мужчина с проницательными глазами, выслушал наш рассказ, а потом долго изучал рецепт, лежавший на столе. Он заметил ту же странную пометку, что и я: «секретный ингредиент — экстракт ферментированных дрожжей с добавлением бледной поганки».

— Бледная поганка? — переспросила Лерка, когда мы вышли из цеха. — Это же ядовитый гриб! Но его добавляют в очень малых дозах, и он даёт странный эффект.

— Именно, — я кивнула. — Если добавить его в суфле, он не убивает, но действует на память. А если смешать с тем ядом, что нашли в крови критика, получается то самое «улучшитель» из рецепта.

Мы вернулись домой, когда уже стемнело. Я села за стол и снова перечитала записку, которую нашёл Марсель. Слова: «Ты думаешь, что твой торт — лучший? Ты ошибаешься» — теперь звучали иначе. Это не была просто угроза. Это было предупреждение о том, что кто-то знал о секретном ингредиенте раньше, чем я.

На следующее утро, когда я стояла у плиты и месила тесто для новых круассанов (по утрам я всегда делала что-то привычное, чтобы не сойти с ума от тревоги), в дверь позвонили. На пороге стоял наш участковый Сидорчук, а за ним — пожилой мужчина в потёртом пальто, с седой щетиной и глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Это был бывший сотрудник птицефабрики, который согласился поговорить.

— Звали меня Кузьмич, — сказал он, проходя в дом и

сядаясь на табурет. — Работал я на той фабрике лет сорок назад. Тогда там и кур растили, и яйца собирали. А потом, в девяностые, директор решил, что выгоднее делать «добавки» для еды. Я ушёл, но кое-что запомнил. Тот рецепт, что вы нашли, — он старый. Его ещё мой начальник придумал. Говорил, что одна ложка этого экстракта — и человек становится послушным. А если переборщить — память отшибет начисто.

— Вы знаете, кто мог использовать его сейчас? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает предчувствие.

Кузьмич помялся, потом достал из кармана помятую фотографию. На ней был изображён молодой парень в белом халате на фоне птицефабрики.

— Это мой сын. Он тоже работал там, пока фабрику не закрыли. А потом его заметил один известный шеф-повар, который хотел использовать «улучшитель» в своих рецептах. Говорил, что хочет «сделать еду волшебной». Мой сын согласился. И пропал. Я его не видел уже пять лет.

Я взяла фотографию и посмотрела на парня. В его глазах был тот же огонёк, что и у меня, когда я впервые открыла дневник Марфы. Что-то подсказывало мне: мы на верном пути. Теперь надо было найти этого сына и узнать, кто стоит за всей этой историей.

— Спасибо, Кузьмич, — сказала я, сжимая его руку. — Вы нам очень помогли.

Когда он ушёл, я подошла к окну. Марсель сидел на под-

оконнике и смотрел на закат. За окном таял последний снег, и на ветках уже набухали почки. Скоро весна, а у нас — новое расследование. И, как всегда, я знала одно: правда где-то рядом, и мы её обязательно найдём.

Когда за Кузьмичом закрылась дверь, я ещё долго стояла у окна, глядя на его сгорбленную фигуру, которая медленно удалялась по заснеженной тропинке. Марсель, прыгнув с подоконника, подошёл ко мне и требовательно мяукнул — мол, хватит стоять столбом, пора действовать. Я погладила его и повернулась к Лерке, которая уже сидела за столом и строчила что-то в своём вечном блокноте.

— Сын Кузьмича, — сказала я, садясь напротив. — Он пропал пять лет назад, но его фотография есть у отца. Значит, он не скрывался так уж тщательно. Может быть, он до сих пор в нашем городе или в окрестностях. И если он был тем, кто работал над «улучшителем», то он может знать, кто заказал отравление Геннадия Палыча.

— Или он сам его и заказал, — Лерка подняла на меня глаза. — Мы не знаем, на чьей он стороне. Но Кузьмич дал нам его имя и последнее известное место работы. Его сына зовут Андрей. Андрей Кузьмич. Он работал на нескольких кулинарных производствах, а потом пропал.

— Где он работал последний раз? — спросила я.

— В частной лаборатории при одной из кулинарных школ, — Лерка заглянула в свои записи. — Та самая школа, о которой говорят, что у них самые инновационные рецепты.

«Школа гастрономического будущего» называется. Я слышала о ней. Там учат не просто готовить, а создавать «технологичную еду». И её основатель — бывший партнёр Геннадия Палыча. Они вместе начинали, потом рассорились. Говорят, критик разнёс его ресторан в пух и прах, и тот закрылся.

Я почувствовала, как внутри закипает предчувствие. Конкуренция, старые обиды, секретные рецепты, яды, маскирующиеся под «улучшители вкуса». Всё это пахло не просто кулинарной интригой, а настоящим криминалом.

— Мы должны попасть в эту школу, — сказала я. — Но просто так нас туда не пустят. Нужен предлог.

— Я уже придумала! — Лерка просияла. — Ты выступишь там как приглашённый кондитер с мастер-классом. У тебя же теперь репутация, после того как ты раскрыла столько дел. Они не откажут. А я пойду как твой ассистент. И мы пронюхаем, что там с этой лабораторией.

Я усмехнулась. Лерка умела находить выход даже в самых безнадёжных ситуациях. Но прежде чем действовать, я решила заехать в больницу — проведать Геннадия Палыча. Может быть, он что-то вспомнил, или врачи сообщили что-то новое.

Аркадий, который как раз вернулся из участка, вызвался отвезти меня. По дороге он был молчалив, но я чувствовала его поддержку. Он знал, что я справлюсь, и не мешал мне действовать.

В больнице нас встретил лечащий врач, пожилой невролог с усталыми глазами. Он сообщил, что состояние критика стабильное, но память пока не возвращается. Однако есть одна странность: когда ему показали фотографию моего торта, его лицо исказила гримаса ужаса.

— Он явно что-то помнит, но это воспоминание связано со страхом, — сказал врач. — Возможно, оно и стало причиной блокировки памяти.

Я взяла себя в руки и попросила разрешения поговорить с Геннадием Палычем. Меня проводили в палату. Он лежал на кровати, глядя в потолок, и его глаза казались пустыми, как у ребёнка, который не понимает, где он и что с ним происходит.

— Здравствуйте, Геннадий Палыч, — тихо сказала я, садясь на стул рядом. — Я Манефа Воронова. Я испекла тот торт, который вы пробовали. Я не знаю, кто добавил яд, но я хочу вам помочь.

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня. В его взгляде мелькнула искра — не узнавания, а скорее любопытства.

— Торт... — прошептал он. — Птичье молоко... Там был кто-то в белом... Он говорил, что я должен забыть.

— Кто в белом? — я подалась вперёд. — Вы помните его лицо?

Но он снова уставился в потолок, и искра погасла. Врач сказал, что это был единственный проблеск за всё время.

Когда я вышла из больницы, мне стало ясно: кто-то в белом — возможно, тот же человек, которого мы видели на птицефабрике, — угрожал критику. И теперь, когда Геннадий Палыч потерял память, этот кто-то чувствует себя в безопасности. Но он не учёл одного: мы не остановимся.

Вечером мы с Леркой и Аркадием сидели на кухне и строили планы. Я позвонила в «Школу гастрономического будущего» и, представившись известным кондитером, попросила разрешения провести мастер-класс. Директор, женщина с приторно-сладким голосом, согласилась с удивительной лёгкостью. Слишком уж легко, подумала я. Это могло быть ловушкой.

Но отступить было некуда. Я взяла Марсея на руки и сказала:

— Завтра мы идём в разведку. Ты, хвостатый, будешь моим главным детективом.

Кот в ответ лишь приоткрыл один глаз и зевнул, но я знала: он понимает. И он будет рядом. Как всегда.

За окном падал снег, а я смотрела на фотографию Андрея Кузьмича, которую дал мне его отец. В его глазах был вызов. И я чувствовала, что мы встретимся с ним раньше, чем я думаю.

Глава 2. Критик без памяти

Утро после моего визита в больницу выдалось хмурым и сырым. Над «Шале-Петушками» нависли низкие тучи, а мелкий снег, который ещё вчера казался почти весенним, вдруг превратился в противную колючую крупу. Я стояла у кухонного окна, прижимая к груди чашку с остывшим чаем, и смотрела, как редкие прохожие торопливо укутываются в воротники пальто. Марсель, вопреки обыкновению, не сидел на подоконнике, а устроился у моих ног и время от времени поднимал голову, словно проверяя, не передумала ли я начинать этот день.

А начинать его нужно было с того, что я собиралась сделать. Вчерашний разговор с Геннадием Палычем не давал мне покоя. «Там был кто-то в белом... Он говорил, что я должен забыть», — эти слова звучали в моей голове как заевшая пластинка. Кто-то в белом. Не врач, не медбрат — он бы сказал «доктор». Значит, это был кто-то, кого он ассоциировал с лабораторией или кухней. И этот кто-то хотел, чтобы критик замолчал навсегда.

Лерка ворвалась на кухню без стука, с чашкой кофе в одной руке и своим блокнотом в другой. Она была одета в свой «боевой» костюм — джинсы, кроссовки и тёмную куртку, — и я поняла, что она настроена решительно.

— Я всё проверила, — объявила она, плюхаясь на табу-

ретку. — Та самая «Школа гастрономического будущего» существует уже пять лет. Основатель — некий Глеб Сергеевич Тартаренко. Бывший шеф-повар, потом ресторатор, потом создатель сети кулинарных студий. Говорят, он учился в Европе и привёз оттуда какие-то «передовые методики». А ещё он был партнёром Геннадия Палыча. Они вместе открывали первый ресторан, но потом разругались. Тартаренко обвинял критика в том, что тот «убил его детище» своей разгромной рецензией.

— И тот самый ученик, о котором говорил Кузьмич? — спросила я, ставя чашку на стол.

— Андрей Кузьмич действительно работал в этой школе, — Лерка заглянула в блокнот. — Я нашла его в списке сотрудников за прошлый год. Но потом он оттуда ушёл. Или его уволили. Точных данных нет. Но директор школы, та самая женщина с приторным голосом, которая согласилась на твой мастер-класс, — её зовут Лариса Петровна. Она была ассистенткой Тартаренко и, по слухам, вела все его «секретные проекты».

Я почувствовала, как внутри закипает предвкушение. Школа, лаборатория, бывший партнёр критика, пропавший ученик и таинственный «человек в белом» — всё это сплеталось в тугий узел, который нам предстояло распутать.

— Сегодня в три часа у меня мастер-класс, — сказала я, взглянув на часы. — Нам нужно быть там за час до начала, чтобы осмотреться.

— Я уже придумала легенду! — Лерка подпрыгнула на табуретке, едва не опрокинув свою чашку. — Ты — знаменитый кондитер, который хочет поделиться опытом. Я — твой ассистент и одновременно директор по связям с общественностью, которая будет фотографировать процесс для «кулинарного блога». А Марсель... — она замялась, глядя на кота, — он будет нашим тайным агентом. Только его никто не должен видеть.

Марсель, услышав своё имя, приоткрыл один глаз и демонстративно зевнул, давая понять, что он не против роли тайного агента, но только при условии, что ему будут выдавать двойную порцию сливок.

Через два часа мы уже стояли у дверей «Школы гастрономического будущего». Это был новенький трёхэтажный особняк в центре города, с вывеской, выполненной в стиле «техно-эко» — зелёные буквы на белом фоне, изображающие молекулы и листья одновременно. В холле нас встретила сама Лариса Петровна — женщина лет пятидесяти, с идеальной укладкой, дорогим костюмом и улыбкой, которая, казалось, была нарисована на её лице акварелью: слишком яркая, слишком ровная, чтобы быть настоящей.

— Манефа Воронова! — воскликнула она, протягивая мне руку для рукопожатия, которое было таким же идеально рассчитанным, как и её улыбка. — Мы так рады, что вы согласились! Ваш мастер-класс — это честь для нашей школы. Я слышала, что вы печёте «Кекс правды» и другие чудесные

десерты. Надеюсь, вы поделитесь с нами каким-нибудь секретом.

— С удовольствием, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я покажу, как готовить «Птичье молоко» в моей интерпретации. Но сначала мне бы хотелось осмотреть вашу кухню и оборудование. Вы не против?

— Конечно! — она взмахнула рукой, приглашая нас следовать за ней. — Наша кухня — гордость школы. Здесь всё оборудовано по последнему слову техники. Мы используем только инновационные методы: вакуумную готовку, жидкий азот, ферментацию под контролем температуры. Если хотите, я покажу вам лабораторию, где мы тестируем новые рецепты.

Лаборатория! Я почувствовала, как сердце забилось быстрее, но сохранила невозмутимое выражение лица. Мы прошли через несколько коридоров, и Лариса Петровна открыла дверь, за которой оказалось помещение, напоминавшее скорее химическую лабораторию, чем кулинарный цех. Колбы, пробирки, вакуумные насосы, дегидраторы — и всё это сверкало хромом и стеклом, отражая свет стерильно-белых ламп.

— У вас впечатляющее оснащение, — заметила Лерка, уже начавшая щёлкать фотоаппаратом. — Это всё для разработки новых рецептов?

— В том числе, — Лариса Петровна улыбнулась, но в её глазах мелькнула тень. — А это наш главный специалист по

разработке, — она кивнула в сторону человека, который стоял у дальнего стола, спиной к нам, и что-то смешивал в колбе.

Он обернулся, и я замерла. Передо мной стоял тот самый молодой человек с фотографии, которую дал мне Кузьмич. Андрей Кузьмич. Он выглядел старше, с более резкими чертами лица и усталыми глазами. Увидев меня, он побледнел, и колба в его руках дрогнула.

— Андрей, — сказала Лариса Петровна, — это Манефа Воронова, известный кондитер. Она проведёт у нас мастер-класс. Манефа, это наш технолог-разработчик. Он отвечает за «изюминку» наших рецептов.

Андрей молчал, глядя на меня. В его глазах я увидела смесь страха и гнева. Он узнал меня. Или, по крайней мере, знал, кто я.

— Рада познакомиться, — сказала я, протягивая ему руку. Он пожал её коротко и снова повернулся к своему столу, давая понять, что разговор не состоится.

Мастер-класс прошёл как в тумане. Я показывала, как взбивать белки для суфле, как растапливать шоколад, как собирать торт, но мои мысли были заняты другим. Андрей Кузьмич исчез, как только началось занятие, и я видела только его спину, скрывающуюся за дверью лаборатории. Лариса Петровна сидела в первом ряду и делала вид, что внимательно записывает все мои советы, но её взгляд всё время скользил в сторону телефона, словно она ждала важного со-

общения.

Когда мастер-класс закончился и участники начали расходиться, Лерка подошла ко мне и шепнула:

— Я пронюхала, что лаборатория на втором этаже. Там есть кабинет Тартаренко. И Андрей туда направился.

— Тогда нам нужно туда, — сказала я. — Но как?

— Я отвлеку Ларису Петровну, — Лерка уже достала свой вечный перцовый баллончик, хотя вряд ли собиралась им пользоваться. — Скажу, что у меня проблема с камерой и мне нужна её помощь. А ты быстро поднимешься на второй этаж.

План сработал. Лерка, изображая панику, утащила Ларису Петровну в коридор, а я юркнула на лестницу. Второй этаж встретил меня тишиной и запахом каких-то химических реактивов. Я прошла по коридору и остановилась у двери с табличкой «Кабинет директора. Г.С. Тартаренко». Дверь была приоткрыта, и изнутри доносились голоса.

— Я не хочу больше этим заниматься! — услышала я голос Андрея. — Это вы меня втянули! Вы сказали, что это просто «улучшитель», что это безвредно!

— Андрюша, — раздался в ответ спокойный, вкрадчивый голос, который, судя по всему, принадлежал самому Тартаренко. — Мы же обсуждали это. Без нашего «секретного ингредиента» наша школа не будет конкурентоспособной. Ты сам видел, как люди хотят «волшебной еды». Ты помогал мне создавать её. Теперь поздно отступить.

— Но этот критик! — голос Андрея дрогнул. — Он же чуть не умер!

— Он выжил, — голос Тартаренко стал холодным. — И он ничего не помнит. Это идеальный результат. Ты сделал свою работу. А теперь иди и успокойся. И, пожалуйста, не делай глупостей перед нашей гостьей.

Я отступила от двери, но поскользнулась на гладком полу, и дверь чуть приоткрылась шире. Я замерла, но Андрей и Тартаренко не заметили меня — они были слишком заняты перепалкой. Я быстро прошла обратно к лестнице, спустилась на первый этаж и подошла к Лерке, которая уже закончила отвлекать Ларису Петровну.

— Нам нужно уходить, — сказала я шёпотом. — У нас есть запись того разговора. Если я правильно запомнила, мы теперь знаем, кто за этим стоит.

Мы вышли из школы, и я наконец выдохнула. Марсель, который всё это время ждал меня в машине, при виде меня начал радостно мяукать, как будто он тоже что-то нашёл. И действительно, когда я открыла дверцу, он сидел на сиденье, а рядом с ним лежал маленький свёрток с запиской.

Я развернула записку. На ней было написано всего несколько слов:

«Вы ищете не того человека. Яд добавил не я. Приходите завтра в полдень на птицефабрику. Я всё расскажу. Андрей».

Я поднесла записку к свету. Почерк был торопливым, но

аккуратным. Значит, Андрей успел подкинуть её в машину, пока мы были в школе. Он хотел встретиться. И он знал, что я приду.

— Это ловушка? — спросила Лерка, прочитав записку через моё плечо.

— Возможно, — я покачала головой. — Но это единственный шанс узнать правду. Мы идём завтра в полдень. И Марсель идёт с нами.

Кот одобрительно мяукнул. И я поняла: начинается новая глава нашего расследования.

Я спрятала записку в карман и ещё раз проверила, не следит ли за нами кто-то со стороны школы. Улица была пустынна, только редкие прохожие торопливо проходили мимо, уткнувшись в воротники. Лариса Петровна, стоявшая у входа и махавшая нам на прощание своей идеально наманикюренной рукой, казалось, всё ещё улыбалась, но в её взгляде я заметила что-то похожее на любопытство. Она явно хотела знать, что мы делали на втором этаже.

Мы сели в машину, и я нажала на газ, стараясь как можно быстрее скрыться из виду. Лерка, сидевшая рядом, то и дело поглядывала на записку, словно надеясь, что та сама собой проявит новые строчки.

— Ну и денёк, — выдохнула она, откидываясь на спинку сиденья. — Я думала, мы просто проверим школу, а тут целая шпионская операция с подслушиванием и тайной запиской. Марсель, кстати, молодец — нашёл её раньше, чем мы

вышли.

Марсель, сидевший на заднем сиденье, при этих словах гордо приподнял голову и начал вылизывать лапу с таким видом, словно это была его личная заслуга в раскрытии всех преступлений мира.

— Андрей явно напуган, — сказала я, сворачивая на знакомую дорогу к дому. — Он сказал Тартаренко, что не хочет этим заниматься. И он признался, что «помогал создавать» тот самый ингредиент. Но он не говорил, что добавлял его в торт. Возможно, он действительно не виноват в отравлении Геннадия Палыча.

— Или он просто хочет переложить вину на другого, — Лерка была настроена скептически. — Мы не знаем его достаточно, чтобы доверять ему. Но завтра в полдень мы это выясним.

Мы приехали домой, и я сразу прошла на кухню — привычный ритуал, который всегда помогал мне успокоиться после стрессовых событий. Пока я месила тесто для ужина, Лерка разложила на столе все наши улики: фотографию Андрея, записку, визитку школы, блокнот с записями о Тартаренко и Ларисе Петровне.

Аркадий появился на пороге, когда я уже ставила в духовку пирог. Он был в своём неизменном костюме, но без галстука — верный признак того, что день был тяжёлым.

— Я проверил Тартаренко по базам, — сказал он, садясь за стол и беря в руки визитку. — Чист перед законом. Но у

него есть несколько неофициальных связей с людьми, которые занимаются контрабандой продуктов. В том числе редких грибов и экзотических растений.

— Бледная поганка, — сказала я, и он кивнул.

— Именно. Она не входит в список запрещённых веществ, но её использование в пищевых продуктах строго регламентировано. Если Тартаренко действительно добавлял её в свои «улучшители», он нарушал закон. Но чтобы доказать это, нужны образцы.

— Мы попытаемся их получить завтра, — сказала я, садясь напротив него. — Андрей зовёт нас на птицефабрику. Возможно, там есть что-то, что он хочет нам показать. Но я не уверена, что это не ловушка.

— Поэтому я пойду с вами, — твёрдо сказал Аркадий. — Я буду рядом. Если что-то пойдёт не так, я смогу вмешаться.

Я почувствовала тепло, разливающееся в груди. Аркадий всегда был рядом, когда это было нужно. И даже в самых опасных ситуациях он оставался моей опорой и поддержкой.

Ночь прошла тревожно. Я лежала в постели, слушая, как за окном шумит ветер, и думала о завтрашней встрече. Андрей Кузьмич — кто он на самом деле? Жертва обстоятельств или манипулятор, который хочет сбить нас с толку? Записка могла быть подлинной, а могла быть подброшена Тартаренко, чтобы заманить нас в ловушку. Но я чувствовала, что рискнуть стоит. Иначе мы так и не узнаем, кто на самом деле отравил Геннадия Палыча.

Марсель, который обычно спал у моих ног, на этот раз устроился на подушке рядом со мной и тихо мурлыкал, словно чувствовал моё беспокойство. Я погладила его по голове и прошептала:

— Завтра будет трудный день, хвостатый. Но мы справимся.

Кот в ответ лишь приоткрыл один глаз, и я поняла, что он готов.

Утро наступило хмурое, но сухое. Мы собрались к десяти: Лерка в своей неизменной куртке и с перцовым баллончиком, Аркадий в гражданском, но с пистолетом под курткой, я — в удобной одежде и с сумкой, в которой лежал блокнот и запасной фонарик. Марсель настойчиво мяукал, требуя, чтобы его взяли, и я сдалась. В конце концов, он нашёл записку, он заслужил место в этой экспедиции.

Птицефабрика, куда мы приехали, выглядела ещё более заброшенной, чем в прошлый раз. Но теперь я заметила, что у входа стояла машина — старая, но явно на ходу. Кто-то был внутри.

Мы подошли к цеху №3, и я толкнула дверь. Она оказалась не заперта. Внутри было полутемно, но в углу горела лампа, и за столом сидел Андрей Кузьмич. Он выглядел бледным, его руки дрожали, когда он поднял на нас взгляд.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он, и голос его звучал тихо и хрипло. — Я не хотел вас втягивать, но у меня нет выбора. Тартаренко знает, что я говорил с вами. Он сказал,

что если я не остановлю вас, он уничтожит всё, что я люблю. Мою семью, моих друзей...

— Зачем вы это делали? — спросила я, садясь напротив него. — Зачем вы создавали эти «улучшители»?

— Я думал, что это просто эксперимент, — он опустил голову. — Он сказал, что это поможет людям получать удовольствие от еды, что это безвредно. Но когда я узнал, что он добавил бледную поганку, было уже поздно. Он угрожал мне. Он сказал, что если я расскажу кому-то, он сдаст меня полиции как соучастника. Я попытался предупредить Геннадия Палыча, но он не поверил мне. Он сказал, что я сумасшедший.

— А вы знаете, кто добавил яд в торт? — спросила Лерка, стоявшая у двери с баллончиком наготове.

Андрей поднял на меня глаза, и в них я увидела страх и решимость одновременно.

— Это была Лариса Петровна, — сказал он. — Я видел, как она подошла к столу с тортом, пока все отвлеклись. Она что-то добавила в глазурь. Я не успел её остановить. А потом она сказала мне: «Теперь ты соучастник. Молчи, или я скажу, что это ты».

— Где она сейчас? — спросил Аркадий, уже доставая телефон, чтобы вызвать подкрепление.

— Она должна быть здесь, — Андрей посмотрел на дверь. — Она сказала, что придет проверить, соблюдаю ли я уговор.

И в этот момент дверь цеха распахнулась, и на пороге появилась Лариса Петровна. В руках у неё был пистолет, а на лице — всё та же улыбка, но теперь она казалась зловещей.

— Вы слишком любопытны, Манефа, — сказала она. — Я предупреждала вас, чтобы вы не лезли не в своё дело. Но вы не послушались. Теперь придётся объяснять, почему вы здесь оказались.

Я почувствовала, как внутри закипает холод. Мы попали в ловушку, но у нас был один козырь — Марсель. Кот, сидевший у моих ног, вдруг зашипел и бросился прямо на Ларису Петровну, вцепляясь ей в ногу. Она вскрикнула, выронила пистолет, и в тот же миг Аркадий схватил её, заламывая руки за спину.

— Вы арестованы, Лариса Петровна, — сказал он, защёлкивая наручники. — За покушение на убийство, незаконное использование ядовитых веществ и угрозы свидетелям.

Мы стояли в цехе, и я смотрела, как Ларису Петровну уводят полицейские, которые уже прибыли на место. Андрей сидел на полу, закрыв лицо руками, и тихо плакал. Я подошла к нему и положила руку на плечо.

— Вы сделали правильно, — сказала я. — Вы помогли остановить её.

Мы вышли из цеха, и на меня нахлынула усталость. Но вместе с усталостью пришло чувство облегчения. Мы сделали это. Теперь правда восторжествует. А завтра будет новый день. И новый торт.

Мы вышли из цеха старой птицефабрики, и свежий ветер ударил в лицо, разгоняя остатки затхлого воздуха, которым мы надышались внутри. За спиной остались полицейские машины с мигалками, крики Ларисы Петровны, которая всё ещё пыталась оправдаться, и тихий плач Андрея, которого уводили для дачи показаний. Я села на ступеньку крыльца и обхватила голову руками. Всё произошло так быстро, что я даже не успела осознать — мы только что раскрыли покушение на убийство.

Лерка присела рядом и молча положила руку мне на плечо. Она не говорила ни слова, и это было лучше любых утешений. Марсель, гордый собой после героической атаки на Ларису Петровну, устроился у моих ног и принялся вылизывать лапу, время от времени поглядывая на меня с выражением «ну что, я молодец?».

Аркадий подошёл последним, убирая телефон в карман. Он выглядел уставшим, но довольным — как человек, который только что закрыл сложное дело.

— Ларису Петровну везут в участок, — сообщил он. — Андрей Кузьмич даёт показания. Он сказал, что готов сотрудничать со следствием, если ему обеспечат защиту. Тартаренко тоже скоро будет задержан — мы нашли достаточно улик, чтобы его допросить.

— Яд в торте был подсыпан именно Ларисой? — спросила я, поднимая голову.

— Она призналась, когда увидела, что от неё уже ничего

не зависит, — кивнул Аркадий. — Она говорила, что хотела подставить тебя, потому что ты стала слишком популярной и мешала их планам по продвижению «улучшителей». А заодно хотела устранить Геннадия Палыча, который слишком много знал о том, чем они занимаются.

— Но она же работала с Тартаренко, — сказала Лерка, хмурясь. — Зачем ей было подставлять Манефу?

— Чтобы отвлечь внимание, — пояснил Аркадий. — Если бы все думали, что отравила Маня, никто бы не копал глубже. А Геннадий Палыч, потеряв память, не смог бы дать показания. Идеальный план, если бы не одно «но» — они не учли нашего кота.

Марсель, услышав, что его хвалят, приподнял голову и громко мяукнул, словно подтверждая свою важную роль в расследовании. Мы рассмеялись, и напряжение, копившееся весь день, наконец начало отпускать.

Домой мы вернулись уже к вечеру. Я первым делом пошла на кухню и заварила чай — крепкий, с мятой, чтобы успокоить нервы. Лерка, как всегда, села записывать события в свой блокнот, а Аркадий связался с коллегами, чтобы уточнить, как проходит допрос Ларисы Петровны.

Марсель, получив свою заслуженную порцию сливок, устроился на подоконнике и с блаженным видом начал вылизывать усы. Я смотрела на него и думала о том, что без этого рыжего наглеца наше расследование могло бы закончиться совсем иначе.

— Что теперь будет с Геннадием Палычем? — спросила я, когда Аркадий закончил разговор.

— Врачи говорят, что есть надежда, — ответил он, садясь за стол. — Яд, который подсыпала Лариса, был в небольшой дозе. Если удастся найти противоядие, память может вернуться. Они уже изучают состав того «улучшителя», чтобы подобрать лечение.

— Значит, мы должны помочь, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает новая решимость. — Мы должны найти противоядие. И мы должны убедиться, что Тартаренко и его школа больше никогда не смогут использовать эти «улучшители».

— Мы сделаем это, — сказала Лерка, откладывая блокнот. — Мы всегда делаем.

Я подошла к окну и посмотрела на ночной посёлок. За окном зажигались огни, и я чувствовала, что этот день закончился хорошо. Мы раскрыли преступление, мы нашли того, кто подсыпал яд, и мы спасли человека от несправедливого обвинения. Да, впереди ещё много работы, но я знала одно: правда снова восторжествовала.

Марсель подошёл ко мне и потёрся о ноги. Я наклонилась и погладила его по голове.

— Спасибо, хвостатый, — прошептала я. — Спасибо, что был со мной.

Кот в ответ замурлыкал, и я улыбнулась. Завтра будет новый день. И новый торт. Но это уже совсем другая история.

Глава 3. Отравление, которого не было

Утро после ареста Ларисы Петровны выдалось на удивление тихим и солнечным. Снег, который моросил последние дни, наконец прекратился, и первые лучи солнца пробивались сквозь лёгкую облачную дымку, заливая кухню тёплым, почти весенним светом. Я стояла у плиты, помешивая овсянку, и чувствовала, как внутри меня разливается странное, почти забытое спокойствие. Вчерашнее напряжение на птицефабрике, пистолет в руках Ларисы Петровны, отчаянный бросок Марсея — всё это казалось теперь далёким и почти нереальным. Но я знала, что расследование ещё не закончено.

Лерка появилась на кухне, когда я уже накрывала на стол. Она была в своём любимом халате с пончиками и с бигуди на голове, которая делала её похожей на инопланетянку с антеннами. Увидев, что я готовлю завтрак, она радостно улыбнулась и плюхнулась на табуретку.

— Какой чудесный день! — провозгласила она, беря в руки ложку. — Лариса Петровна сидит в участке, Андрей дал показания, Геннадий Палыч, правда, всё ещё без памяти, но врачи говорят, что есть надежда. Мы снова спасли мир от кулинарного злодея!

— Не торопись, — я села напротив и налила себе чай. —

Лариса Петровна — исполнитель, но кто заказчик? Она сказала, что действовала по указанию Тартаренко. Но он уже успел исчезнуть. Когда полиция приехала в школу, его кабинет был пуст. Он сбежал.

Лерка перестала жевать и уставилась на меня.

— То есть главный злодей всё ещё на свободе?

— Именно, — я кивнула. — И мы не знаем, где он и что он задумал. Он мог оставить в школе или на фабрике что-то, что поможет нам его найти. Но мы должны успеть раньше, чем он уничтожит все улики.

Марсель, который до этого мирно спал на подоконнике, при слове «улики» приоткрыл один глаз и насторожил уши. Он явно давал понять, что готов к новым поискам. Я улыбнулась и погладила его.

— Сегодня мы едем в школу, — сказала я. — Нужно обыскать кабинет Тартаренко и лабораторию, пока полиция не успела всё там закрыть. Аркадий договорился, что нас пустят.

— А что мы ищем? — спросила Лерка, уже начиная собираться.

— Рецепт. Настоящий рецепт того «улучшителя», который использовала Лариса Петровна. И, возможно, доказательства того, что Тартаренко был заказчиком отравления. Без этого мы не сможем доказать его причастность к покушению на Геннадия Палыча. А главное — в рецепте может быть противоядие для критика.

Через час мы уже стояли у входа в «Школу гастрономического будущего». Здание выглядело пустым и каким-то осиротевшим без Ларисы Петровны и её идеальной улыбки. Полицейские, дежурившие у входа, пропустили нас по распоряжению Аркадия, и мы поднялись на второй этаж.

Кабинет Тартаренко был заперт, но Лерка, как всегда, достала свою верную отмычку (она теперь носила её в специальном кармашке, как самую ценную реликвию). Через несколько секунд замок щёлкнул, и мы вошли.

Внутри было темно, пахло старыми книгами и чем-то химическим. На столе лежали разбросанные бумаги, но я заметила, что многие из них были сорваны и выброшены в корзину. Тартаренко явно уходил в спешке. Я начала перебирать документы, ища что-то, что могло бы нам помочь. Лерка осматривала полки, а Марсель, как всегда, обнюхивал каждый угол.

И вдруг кот остановился у старого шкафа, стоящего в углу. Он начал настойчиво скрести лапой по нижней дверце, словно пытаясь открыть её. Я подошла и попыталась открыть дверцу. Она была заперта, но когда я нажала сильнее, она поддалась. За ней оказался небольшой сейф, встроенный в стену.

— Лерка, иди сюда! — позвала я.

Мы вместе попытались открыть сейф, но замок был слишком сложным. Тогда Марсель снова начал скрести, но теперь по полу рядом с сейфом. Я опустилась на колени и увидела,

что под ковриком лежит ключ. Я подняла его и вставила в замок. Сейф открылся.

Внутри лежали документы, перевязанные лентой, и маленькая металлическая коробочка. Я открыла коробочку — внутри лежал старый, пожелтевший лист бумаги, на котором было написано:

«Рецепт «Истинного улучшителя» — экстракт ферментированных дрожжей с добавлением бледной поганки. Дозировка: для усиления вкуса — 1 капля; для блокировки памяти — 3 капли; для летального исхода — 5 капель. Противоядие: экстракт ванили, настоянный на горном мёде, в сочетании с щепоткой шафрана».

— Это противоядие! — воскликнула я, чувствуя, как внутри закипает волнение. — Теперь мы можем помочь Геннадию Палычу.

Мы быстро переписали рецепт и убрали документы обратно в сейф. Полиции мы потом покажем всё, что нашли, но сначала нужно было спасти память критика.

Когда мы вышли из школы, я уже знала, что делать. Экстракт ванили, горный мёд и щепотка шафрана. У меня дома была ваниль, настоящая на мёде, — я готовила её ещё осенью для своего фирменного пирога. Шафран тоже был — Лерка привезла из Батуми, где мы купили его на местном рынке.

Мы поехали в больницу. Геннадий Палыч сидел на кровати, глядя в окно. Увидев меня, он нахмурился, но в его

взгляде промелькнула искра. Я подошла к нему и показала рецепт.

— Я знаю, как вернуть вам память, — сказала я. — Вы мне доверяете?

Он смотрел на меня долго, а потом кивнул. Я достала из сумки маленький флакончик с экстрактом, смешала его с мёдом и шафраном и дала ему выпить. Через несколько минут его лицо изменилось. Глаза расширились, и я увидела, как к нему возвращается осознание.

— Я помню, — прошептал он. — Я помню всё. Торт, Ларису, разговор с Тартаренко... Он хотел, чтобы я написал хорошую рецензию, а когда я отказался, они решили меня убрать.

— Теперь они ответят за это, — сказала я, сжимая его руку. — Вы в безопасности.

Когда я вышла из больницы, на улице уже темнело. Я стояла на крыльце, чувствуя, как ветер играет с моими волосами. Марсель сидел у моих ног и мурлыкал, словно одобряя мои действия.

— Мы сделали это, — сказала я, глядя на Лерку и Аркадия, которые ждали меня у машины.

— Да, — улыбнулась Лерка. — Но Тартаренко всё ещё на свободе. И мы не знаем, где он.

— Найдём, — сказал Аркадий, открывая дверцу. — Это только вопрос времени.

Я села в машину, и мы поехали домой. Впереди нас ждало

новое расследование — поиски Тартаренко. Но теперь у нас была надежда. И главное — у нас был рецепт, который мог спасти не только память критика, но и помочь нам понять, кто ещё мог быть вовлечён в эту историю.

Я сжала в руке листок с рецептом и улыбнулась. Это была не просто победа. Это было начало новой главы.

Когда машина отъехала от больницы, я ещё долго смотрела в зеркало заднего вида на светящиеся окна палаты, где Геннадий Палыч Закусочный, только что обретший память, наверняка уже диктовал медсестре свои первые после комы заметки. В его глазах, когда я дала ему противоядие, мелькнуло узнавание, а потом — благодарность. Он сжал мою руку и сказал: «Я напишу такую рецензию, что ваш торт станет легендой». Я тогда улыбнулась, но внутри всё ещё кипела тревога. Тартаренко был на свободе, а это значило, что история не закончена.

Лерка, сидевшая рядом со мной на заднем сиденье, прервала мои размышления:

— Маня, ты слышала, что он сказал про Ларису Петровну? Что она не просто исполнительница, а была его правой рукой. Значит, Тартаренко не мог сбежать без её помощи. У них был план на случай провала.

— План «Б», — кивнула я, поворачиваясь к ней. — И, скорее всего, у него есть ещё одно убежище, помимо школы и птицефабрики. Где-то, где он может переждать, пока всё уляжется, а потом начать заново.

Аркадий, вёдший машину, хмыкнул и бросил взгляд в зеркало заднего вида.

— Я уже запросил данные по всем объектам, которые принадлежат Тартаренко или связаны с ним через подставных лиц. Оказалось, у него есть ещё одна недвижимость — старый дом на окраине города, который числится за какой-то фирмой-однодневкой. Я отправил туда наряд, но они ничего не нашли — дом пуст, но там кто-то недавно был. Следы свежие.

— Значит, он там прятался, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает предвкушение. — И он мог оставить там что-то, что укажет нам, куда он направился дальше.

— Или он мог оставить там ловушку, — мрачно добавила Лерка, которая всегда видела стакан наполовину полным яда. — Он же учёный, он умеет готовить не только еду, но и неприятные сюрпризы.

Мы решили, что завтра утром осмотрим дом сами, пока полиция не успела его «зачистить». Аркадий обещал договориться о допуске, а я чувствовала, что это может стать решающим шагом в нашем расследовании.

Домой мы вернулись уже затемно. Я накормила Марсея, который после сегодняшней «операции по проникновению в сейф» явно чувствовал себя героем и требовал двойную порцию сливок, и села за стол перечитывать записи, которые мы сделали в школе. Лерка, как всегда, уже строчила в своём блокноте, а Аркадий просматривал документы на своём

планшете.

— Знаешь, что мне кажется странным? — сказала я, поднимая голову. — Лариса Петровна утверждает, что Тартаренко лично отдал ей приказ добавить яд в торт. Но в разговоре, который я подслушала, Андрей говорил с ним о «секретном ингредиенте» и о том, что критик «чуть не умер». Тартаренко сказал: «Он выжил. И он ничего не помнит. Это идеальный результат». То есть он знал о яде. Но откуда он знал, что критик будет есть именно мой торт? И зачем ему было рисковать, если он мог просто подкупить или запугать Геннадия Палыча?

— Может быть, у него был личный мотив, — предположила Лерка. — Мсть за закрытый ресторан. Критик разрушил его карьеру. Тартаренко хотел не просто убрать его, а сделать так, чтобы он мучился. Потеря памяти — это же хуже смерти для человека, который живёт своими воспоминаниями и опытом.

— Или он хотел проверить свой «улучшитель» на живом человеке, — добавил Аркадий, отрываясь от планшета. — В документах, которые мы нашли, есть записи о том, что он планировал массовое производство этой добавки. Если бы она сработала на критике без летального исхода, он мог бы начать продавать её как «безвредный усилитель вкуса».

Я почувствовала холодок, пробежавший по спине. Тартаренко был не просто злодеем из дешёвого детектива. Он был учёным, который хотел изменить мир еды, даже если для

этого нужно было пожертвовать несколькими жизнями. И он мог вернуться.

Ночью мне приснился сон. Я стояла на пороге того самого старого дома, который принадлежал Тартаренко. Дверь была открыта, и внутри горел свет. Я вошла и увидела стол, накрытый белой скатертью, а на нём — торт «Птичье молоко». Рядом с тортом лежала записка: «Ты думаешь, что победила? Ты ошибаешься. Я ещё вернусь». Я проснулась в холодном поту и долго лежала, глядя в потолок.

Утром я рассказала свой сон Лерке и Аркадию. Лерка, как всегда, нашла в нём скрытый смысл.

— Это же знак! — заявила она, размахивая вилкой с наколотым кусочком омлета. — Он хочет, чтобы мы думали, что он сбежал, а на самом деле он всё ещё здесь! И этот торт... он символизирует твой успех, который Тартаренко хочет разрушить!

— Или это просто мой мозг перерабатывает стресс, — усмехнулась я, но всё же решила, что сон был предупреждением.

Мы поехали к старому дому Тартаренко, который находился на окраине, заросший диким плющом и старыми деревьями. Внутри было пусто, но я заметила, что на столе в гостиной лежит раскрытая книга. Я подошла и увидела, что это старый кулинарный справочник, но на одной из страниц была сделана пометка красным карандашом: «Рецепт № 17 — для тех, кто не хочет проигрывать». А рядом — название:

«Эликсир правды».

— Опять этот «эликсир», — сказала Лерка, заглядывая в книгу. — Он что, всерьёз верит, что еда может менять реальность?

— Он верит, что может управлять людьми через еду, — ответила я, закрывая книгу. — И это делает его опасным. Мы должны найти его раньше, чем он реализует свой следующий план.

Мы вышли из дома, и я посмотрела на небо. Солнце уже клонилось к закату, и я чувствовала, что у нас есть ещё один день, чтобы остановить Тартаренко. Но я также знала, что он не будет ждать. Он уже начал свою игру.

Марсель, сидевший у моих ног, вдруг насторожился и зашипел в сторону кустов. Я посмотрела туда и увидела, как что-то мелькнуло между деревьями. Чья-то тень. Я хотела крикнуть, но тень исчезла так же быстро, как появилась.

— Он наблюдает за нами, — прошептала Лерка, сжимая в руке перцовый баллончик.

— Значит, мы на правильном пути, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает азарт. — Теперь мы знаем, что он рядом. И мы готовы к встрече.

Мы сели в машину и поехали домой. Впереди нас ждала ночь, полная тревог и надежд. Но я знала одно: мы найдём его. Мы обязательно найдём Тартаренко. Потому что правда всегда побеждает. Даже если она спрятана в старом рецепте.

Мы ехали домой в полной тишине. Каждый думал о сво-

ём: Лерка нервно теребила край куртки, Аркадий сосредоточенно смотрел на дорогу, а я сжимала в руке книгу, которую мы нашли в доме Тартаренко. «Рецепт № 17 — для тех, кто не хочет проигрывать» — эти слова не выходили у меня из головы. Что это за «Эликсир правды»? И почему Тартаренко считал, что проигрывает?

Марсель, сидевший на заднем сиденье, вдруг забеспокоился. Он встал, упёрся лапами в стекло и начал настойчиво мяукать, глядя в одну точку. Я обернулась и увидела в зеркале заднего вида, что за нами едет чёрный автомобиль. Он держался на почтительном расстоянии, но не отставал.

— Аркадий, за нами хвост, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Вижу, — ответил он, и я заметила, как его пальцы крепче сжали руль. — Держитесь.

Он резко свернул на боковую улицу, потом ещё раз, петляя по дворовым проездам, которые я знала с детства. Чёрная машина не отставала. Тогда Аркадий вырулил на пустынную дорогу, ведущую к старому складу, и остановился. Чёрная машина тоже притормозила, но водитель, видимо, понял, что его раскрыли, и резко развернулся, исчезнув за поворотом.

— Он ушёл, — сказала Лерка, выдыхая с облегчением. — Но это был не Тартаренко. Слишком неуклюже для него. Может, наёмник?

— Или кто-то из его бывших учеников, — я покачала го-

ловой. — У него могла быть целая сеть помощников.

Когда мы наконец добрались до дома, я первым делом прошла на кухню и заварила крепкий чай. Марсель, уставший от погони, устроился на своём любимом месте на подоконнике и уснул, свернувшись калачиком. Но я не могла успокоиться. Мысли метались: книга, рецепт, чёрная машина, тень в кустах. Тартаренко играл с нами. Он хотел, чтобы мы боялись. Или, наоборот, хотел, чтобы мы действовали быстрее и совершили ошибку.

— Я думаю, он оставил эту книгу нарочно, — сказала я, открывая справочник на той самой странице. — Он хотел, чтобы мы нашли «Эликсир правды». Это не случайная находка.

— Зачем ему это? — спросила Лерка, садясь напротив.

— Может быть, чтобы запутать нас, — предположил Аркадий. — Или чтобы показать, что он знает что-то, чего не знаем мы. Возможно, в этом «эликсире» есть что-то, что связывает его с нами. С Перепонкиными.

Я перечитала рецепт «Эликсира правды». Ингредиенты были простыми: мёд, лимон, имбирь, шафран — и странная добавка: «капля росы, собранной с лепестков ночной фиалки». Это звучало как алхимия, а не как кулинария. Но в конце была приписка, которая заставила меня замереть:

«Этот эликсир не изменяет реальность. Он показывает её такой, какая она есть. Тот, кто выпьет его, увидит правду о том, что скрыто. Но правда бывает горькой, как по-

льнь. Готов ли ты её принять?»

— Это не про еду, — сказала я. — Это про нас. Он знает, что мы ищем правду, и он хочет, чтобы мы увидели её. Но не так, как мы предполагаем.

— Или это ловушка, — мрачно заметила Лерка. — Мы выпьем это зелье, и он получит то, что ему нужно.

— Тогда мы не будем его пить, — сказал Аркадий, закрывая книгу. — Мы отдадим его на экспертизу. Но сначала я хочу, чтобы мы проверили ещё кое-что.

Он достал из кармана маленький конверт, который я раньше не видела.

— Это нашли сегодня утром у дверей участка, — сказал он. — Адресовано тебе, Манефа.

Я взяла конверт. На нём не было марки, только моё имя, написанное знакомым каллиграфическим почерком — тем самым, что мы видели в записках на птицефабрике. Это был почерк Тартаренко. Я вскрыла конверт и вытащила листок бумаги.

«Манефа,

Ты думаешь, что я твой враг. Но я хочу предложить тебе встречу. Завтра в полночь на старой птицефабрике, в цехе №3. Приходи одна. Я расскажу тебе, кто на самом деле стоит за отравлением критика. Это не я. И не Лариса. Ты удивишься, когда узнаешь правду. Но если ты придёшь с кем-то, я не появлюсь. Выбор за тобой. Тартаренко».

— Это безумие, — сказала Лерка, прочитав письмо через

моё плечо. — Ты не можешь идти одна. Он опасен.

— Я знаю, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает странная решимость. — Но если он действительно хочет сказать правду, я должна его выслушать. Иначе мы так и не узнаем, кто на самом деле стоит за всем этим.

— Тогда мы будем рядом, — сказал Аркадий. — Я прослежу за тобой на расстоянии. Если что-то пойдёт не так, я вмешаюсь.

— И я, — добавила Лерка, сжимая в руке свой баллончик. — Я буду сидеть в засаде. С Марселем. Мы вас прикроем.

Мы обсудили план до мельчайших деталей. Я должна была прийти на птицефабрику ровно в полночь, одна. Аркадий будет ждать в машине у входа, а Лерка с Марселем — в соседнем цехе, чтобы при необходимости быстро прийти на помощь.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Я почти не спала, перечитывая письмо Тартаренко снова и снова. Что он мог мне рассказать? Кто мог стоять за отравлением, если не он и не Лариса? Может быть, это был кто-то из его окружения? Или, что ещё хуже, кто-то, кого мы совсем не подозревали?

В полночь я стояла у входа в цех №3. Внутри было темно, но я видела, что в центре стоит стол, а на нём — зажжённая свеча. Рядом со свечой лежала раскрытая книга. Тартаренко стоял у стола, опершись руками о его поверхность. Он выглядел старше, чем на фотографиях, и уставшим.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он, когда я подошла

ближе. — Спасибо, что пришли одна. Это было смело.

— Говорите, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Вы сказали, что не вы отравили критика. Тогда кто?

— Лариса Петровна, — ответил он, и я почувствовала, как внутри всё холодеет. — Но она действовала не по моему приказу. Она действовала по приказу человека, который стоит выше нас обоих. Человека, который хочет уничтожить не только меня, но и вас, Манефа. Вас и всю вашу семью.

— Кто это? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает холод.

— Ваш старый знакомый, — он усмехнулся. — Тот, кто уже пытался вас уничтожить. Он вернулся. И он использует меня, чтобы добраться до вас.

— Назовите его имя, — сказала я, сжимая кулаки.

— Он называет себя «Хранителем», — произнёс Тартаренко, и мир вокруг меня на мгновение замер. — И он знает, где вы находитесь. Всегда.

Глава 4. Птичьи следы

Я стояла в центре старого цеха, и слова Тартаренко всё ещё звенели в ушах, как колокольный набат. «Он называет себя «Хранителем»... И он знает, где вы находитесь. Всегда». Я смотрела на бледное лицо бывшего ресторатора, на его дрожащие руки, на свечу, которая отбрасывала дрожащие тени на его осунувшееся лицо, и чувствовала, как внутри меня закипает холод, который не имел ничего общего с ночным воздухом.

— «Хранитель», — повторила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Это он стоял за отравлением Геннадия Палыча? Это он приказал Ларисе добавить яд?

Тартаренко кивнул, и его плечи поникли, словно он сбрасывал с себя груз, который нёс слишком долго.

— Я не знал, что она работает на него, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — Она пришла ко мне пять лет назад, после того как Геннадий Палыч разнёс мой ресторан. Она сказала, что хочет помочь мне создать «школу будущего». Я был наивен. Я думал, что она искренне верит в мои идеи. Но она была всего лишь агентом. Она внедрила свои рецепты, своих людей, свои планы. А когда я попытался остановить её, она пригрозила, что уничтожит меня. И она бы это сделала. Она уже начала.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает гнев, смешанный с состраданием.

— Потому что у неё были доказательства, — он горько усмехнулся. — Доказательства того, что я знал о «улучшителе» и не остановил её. Она сказала, что если я заговорю, она сдаст меня как соучастника. И я молчал. Я молчал пять лет.

— Но теперь вы заговорили, — сказала я, делая шаг вперёд. — Почему?

— Потому что она перешла черту, — он поднял на меня глаза, и в них я увидела страх, смешанный с решимостью. — Она хотела убить Геннадия. Она использовала мой рецепт, чтобы отравить его. Я не мог больше молчать. И когда я узнал, что вы расследуете это дело, я понял, что вы — мой единственный шанс.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня борется два чувства. Гнев на его трусость и понимание того, что он, возможно, действительно был жертвой обстоятельств. Но сейчас было не время для моральных оценок. Мне нужно было узнать больше о «Хранителе».

— Что ещё вы знаете о нём? — спросила я. — Кто он? Где он?

— Я не знаю его настоящего имени, — Тартаренко покачал головой. — Я никогда не видел его лица. Он всегда появлялся в маске или через посредников. Но я знаю, что он давно охотится за вами, Манефа. Он говорил о вас, о вашей семье, о Перепонкиных. Он знает всё. Он говорил, что вы —

«наследница», которую нужно остановить.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. «Наследница». Это слово уже звучало раньше. В записках, в письмах, в тех тайнах, которые мы раскрывали в прошлых расследованиях. «Хранитель» мог быть кем-то из тех, кто уже пытался нас уничтожить. Или кем-то новым, кто продолжил их дело.

— Где сейчас Лариса Петровна? — спросила я.

— Она сбежала, — он развёл руками. — Когда начались обыски в школе, она исчезла. Я не знаю, где она. Но я знаю, что она оставила следы. На птицефабрике, в цехе №2, есть тайник. Она хранила там документы и образцы «улучшителя». Если вы найдёте их, вы сможете доказать её причастность и, возможно, выйти на «Хранителя».

Я вышла из цеха, чувствуя, как ветер бьёт в лицо. Аркадий уже стоял у входа, и я видела, как его рука лежит на кобуре — он был готов вмешаться, если бы что-то пошло не так. Лерка с Марселем выбежали из соседнего цеха, и я быстро пересказала им услышанное.

— Цех №2, — сказала Лерка, уже доставая фонарик. — Мы должны проверить это сейчас. Пока он не уничтожил улики.

— Но сначала мы должны убедиться, что Тартаренко не врёт, — сказал Аркадий, оглядываясь на здание. — Он мог специально заманить нас сюда.

— Я верю ему, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает

решимость. — Но мы всё равно будем осторожны.

Мы пошли к цеху №2. Он находился в дальнем конце фабрики, полуразрушенный, с выбитыми окнами и ржавой дверью. Лерка открыла её, и мы вошли внутрь.

Внутри было темно и сыро, пахло плесенью и старым деревом. Но когда мы включили фонарики, я увидела, что в центре стоит старый стол, а на нём — большая деревянная шкатулка. Я подошла и открыла её.

Внутри лежали документы, перевязанные лентой, и маленький металлический контейнер. Я открыла контейнер — внутри был порошок, который пах так же, как тот «улучшитель», который мы нашли в лаборатории.

— Это доказательство, — сказала я, чувствуя, как внутри разливается облегчение. — Теперь у нас есть всё, чтобы остановить Ларису Петровну и, возможно, выйти на «Хранителя».

Но в тот момент, когда я подняла голову, я заметила на стене, прямо над столом, вырезанный знак. Полумесяц. Тот самый полумесяц, который я видела на всех артефактах Перепонкиных. Но он был перечёркнут крест-накрест, словно кто-то хотел уничтожить его.

— Он здесь был, — прошептала я, чувствуя, как внутри закипает холод. — «Хранитель» был здесь. Он знал, что мы придём.

Мы вышли из цеха, и я сжимала в руках контейнер с порошком. Мы нашли улики, но мы также нашли доказатель-

ство того, что наш враг был на шаг впереди. Он знал, что мы ищем, и он оставил нам свой знак.

Когда мы вернулись домой, я долго сидела на кухне, глядя на полумесяц, который я зарисовала в блокноте. Он был тем же символом, что и на всех реликвиях Перепонкиных, но перечёркнутый. Это было предупреждение. Или вызов.

Марсель подошёл ко мне и запрыгнул на колени. Я погладила его, чувствуя, как его тепло разливается по моему телу.

— Мы найдём его, — прошептала я. — Мы найдём «Хранителя». И мы остановим его.

Кот в ответ замурлыкал, и я улыбнулась. Мы прошли через многое, но теперь мы знали, что это не конец.

Мы вернулись домой уже за полночь, но я всё ещё чувствовала на себе пристальный взгляд полумесяца, перечёркнутого крест-накрест. Этот знак преследовал меня, как призрак, и я не могла отделаться от мысли, что «Хранитель» знал о моих шагах наперёд. Он был там, на птицефабрике, возможно, совсем недавно, пока мы разговаривали с Тартаренко. Он видел, как мы входили в цех №2, как я нашла его тайник, и он позволил мне это сделать. Он хотел, чтобы я нашла эти улики. Или, наоборот, хотел, чтобы я думала, что я нашла их случайно.

Лерка, как только мы переступили порог, тут же разложила на столе все находки: документы из шкатулки, контейнер с порошком, книгу Тартаренко и мои наброски полумесяца. Она рассматривала их с таким видом, словно это были самые

ценные сокровища в мире, и делала пометки в своём вечном блокноте с такой скоростью, что я едва успевала следить за её рукой.

— Смотри, — сказала она, пододвигая ко мне один из документов. — Это не просто записи о «улучшителе». Это список поставок. Ингредиенты, даты, подписи. И вот здесь, — она ткнула пальцем в едва заметную пометку, — стоит инициалы «Г.З.». Те самые, что мы уже видели.

Я взяла документ и поднесла его к свету. «Г.З.» — я вспомнила, что эти инициалы уже мелькали в наших предыдущих расследованиях, когда мы искали следы «Теней» и тайных обществ. Тогда мы так и не смогли расшифровать их полностью, но предполагали, что это может быть кто-то из тех, кто стоял за организацией, охотящейся за наследием Перепонкиных.

— Г.З. — Григорий Захарович? — спросил Аркадий, подходя ближе. — Тот самый, которого мы искали в прошлом деле?

— Возможно, — я покачала головой. — Или его потомок. Или кто-то, кто использует его имя как прикрытие. Но если «Хранитель» связан с Г.З., значит, он часть той старой истории. Он знает о Перепонкиных больше, чем мы думаем.

Марсель, который до этого спокойно лежал на подоконнике, вдруг спрыгнул на пол и подошёл к столу. Он обнюхал контейнер с порошком, чихнул и начал настойчиво тереться о мои руки, словно пытаясь сказать: «Этот порошок пахнет

не просто химией. Там есть что-то знакомое». Я наклонилась и принялась к контейнеру. Помимо горьковатого запаха «улучшителя», я уловила ещё один, едва заметный, но знакомый аромат. Ваниль. Тот самый экстракт ванили, который я использовала в своих рецептах и который, по словам Тартаренко, был ключевым ингредиентом противоядия.

— Здесь есть ваниль, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает новое понимание. — Не просто ваниль, а та самая, которую я делаю сама. Я добавляю в неё горный мёд, как в рецепте противоядия. Кто-то использовал мой рецепт. Кто-то, кто знает, как я готовлю.

Лерка и Аркадий переглянулись. Я поняла, что они думают о том же, о чём и я. Кто-то из нашего круга мог быть связан с «Хранителем». Кто-то, кто имел доступ к моей кухне, к моим рецептам, к моим привычкам.

— Мы должны проверить всех, кто мог видеть твой рецепт, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась сталь. — Всех, кто заходил на кухню, всех, кто пробовал твою выпечку. Может быть, кто-то из соседей или знакомых был связан с этой историей.

Я кивнула, но в голове уже крутились десятки имён. Маргарита Павловна, Антонина Марковна, баба Нюра, Сидорчук — все они были нашими друзьями и соседями, но кто-то из них мог быть вовлечён в эту историю. Или, что ещё хуже, кто-то из них мог быть «Хранителем», скрывающимся за маской доброго друга.

Ночью я почти не спала. Я лежала в постели, глядя в потолок, и перебирала в голове всех, кого знала. Марсель, почувствовав моё беспокойство, устроился у меня под боком и тихо мурлыкал, словно пытаюсь успокоить. Но мысли не отпускали меня.

Утром я проснулась с твёрдым намерением начать расследование с самого начала. Я оделась и села за стол с блокнотом, в котором записывала все свои кулинарные рецепты за последние годы. Каждый рецепт, каждый ингредиент, каждая заметка — всё это могло быть ключом к тому, кто мог украсть мои идеи.

— Мы должны проверить каждого, кто мог видеть этот блокнот, — сказала я Лерке, когда она пришла на кухню. — Начиная от моей бабушки и заканчивая тобой.

— Я не ворую твои рецепты, — фыркнула Лерка. — Я даже не знаю, как приготовить нормальный омлет.

— Я знаю, — улыбнулась я. — Но кто-то мог заходить в дом, пока меня не было. Или кто-то мог видеть блокнот, когда я оставляла его на столе.

Мы составили список всех, кто мог иметь доступ. Маргарита Павловна — она часто заходила к нам, чтобы обсудить садоводство или принести варенье. Антонина Марковна — она иногда приходила за рецептами и всегда интересовалась моими новыми десертами. Баба Нюра — она вообще была вездесущей и знала все наши привычки. И даже Сидорчук, который иногда заглядывал на чай.

— Это слишком много подозреваемых, — сказала Лерка, вздыхая. — Мы не можем допросить всех без причины.

— Тогда нам нужно найти причину, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает идея. — Мы устроим дегустацию. Пригласим всех соседей и друзей на вечер «Птичьего молока». Тот самый торт, который стал причиной всего этого. И посмотрим, кто откажется прийти. Или кто будет вести себя странно.

План казался безумным, но это был единственный способ проверить всех, не вызывая подозрений. Лерка тут же начала обзванивать соседей, приглашая их на завтрашний вечер. Я же принялась за приготовления — пекла тот самый торт, который стал причиной всех бед. На этот раз я решила добавить в него ту самую ваниль, которая была в порошке, но в чистом виде, без каких-либо добавок. Это был жест доверия и одновременно проверка: если кто-то откажется от дегустации или проявит чрезмерный интерес к ингредиентам, мы сможем его вычислить.

Когда торт был готов, я поставила его на стол и посмотрела на него. Он был таким же красивым, как и в тот вечер в «Белой акации», но теперь я видела в нём не только десерт, а ключ к разгадке. Марсель сидел рядом и смотрел на торт с явным одобрением, словно говоря: «Ну вот, теперь ты на правильном пути».

Я улыбнулась и погладила его. Завтра мы узнаем, кто из наших соседей — друг, а кто — враг. И возможно, мы нако-

нец выйдем на след «Хранителя».

Вечер дегустации наступил быстрее, чем я ожидала. К пяти часам наша кухня превратилась в настоящий кондитерский цех: торт «Птичье молоко» стоял в центре стола на хрустальной подставке, которую одолжила нам Маргарита Павловна, вокруг него были расставлены маленькие тарелочки с другими десертами — эклерами, безе, мини-пирожными, — чтобы никто не догадался, что главная цель вечера — не угощение, а наблюдение. Лерка нарядилась в своё лучшее платье с цветочным принтом и шляпку с вишнями, которые стали её визитной карточкой, и с важным видом расставляла чашки на столе. Аркадий, как всегда, был в костюме, но без галстука — он хотел выглядеть гостеприимным, а не официальным.

Первой пришла Маргарита Павловна. Она принесла с собой банку вишнёвого варенья собственного приготовления и тут же начала расспрашивать, как я умудрилась сделать торт таким нежным. Я улыбалась и отвечала уклончиво, но краем глаза заметила, как её взгляд на мгновение задержался на моём блокноте, который я предусмотрительно оставила на полке в углу. Маргарита Павловна — самая безобидная соседка? Или она что-то скрывает?

Следом пришла Антонина Марковна с фирменными солёными огурцами (она всегда приносила их на все посиделки, и это стало традицией). Она тоже принялась хвалить торт, но я заметила, что она слишком пристально изучала состав

глазури, словно пытаюсь запомнить его наизусть. Антонина Марковна? Нет, быть не может. Но я запомнила этот момент.

Затем на пороге появилась баба Нюра — она ворвалась, как всегда, с криком: «А я иду, иду, а вы уже начали без меня!» — и сразу же потребовала самый большой кусок. Я нарезала ей, и она с удовольствием начала уплетать торт, приговаривая: «Вкуснотища! Мань, ты у нас талант!» Казалось, она была искренне восхищена, но я знала, что баба Нюра умеет притворяться лучше всех, когда хочет что-то разнюхать.

Сидорчук пришёл с букетом тюльпанов (он всегда был галантным, несмотря на свою суровую внешность участкового) и съел три куска торта, после чего заявил, что «это лучшее, что я пробовал после маминого пирога». Он был таким же, как всегда, но я заметила, что он несколько раз поглядывал на дверь, словно ожидая кого-то ещё.

— А где же ваш помощник? — спросила я, наливая ему чай. — Тот, который ходит с вами на вызовы?

— Он сегодня в отпуске, — ответил Сидорчук, пожимая плечами. — Уехал к родственникам. А что? Вы его ищете?

— Нет, просто поинтересовалась, — улыбнулась я, но внутри уже закипало подозрение. Помощник Сидорчука, молодой парень, который всегда был таким незаметным, недавно заходил ко мне под предлогом проверки газовых труб. Я тогда не придавала этому значения. Теперь же эта мысль казалась мне очень важной.

Когда гости начали расходиться, я осталась на кухне с Леркой и Аркадием. Мы переглянулись.

— Ну что, — сказала Лерка, закрывая дверь за последним гостем, — кто из них тебе показался подозрительным?

— Маргарита Павловна слишком внимательно рассматривала мои записи, — сказала я. — Антонина Марковна изучала глазурь. Баба Нюра — она, конечно, вела себя как обычно, но она же всегда знает всё про всех. А Сидорчук... — я задумалась, — он был слишком спокоен. И его помощник уехал в отпуск как раз перед дегустацией.

— Ты думаешь, это мог быть помощник Сидорчука? — спросил Аркадий, наливая себе чай.

— Не знаю, — я покачала головой. — Но я запомню эту деталь. Завтра я позвоню в участок и проверю, действительно ли он в отпуске. Если нет...

— Если нет, значит, он где-то рядом, — закончила за меня Лерка. — И он мог быть тем, кто видел твой рецепт.

Я подошла к столу и посмотрела на торт. От него осталась только половина, и я чувствовала, что мы на шаг ближе к разгадке. Марсель подошёл ко мне и потёрся о ноги, словно говоря: «Ты всё правильно сделала. Продолжай наблюдать».

Я улыбнулась и погладила его. Завтра будет новый день. И мы продолжим расследование.

Глава 5. Лерка в курятнике

Утро после дегустации выдалось на удивление тихим, но я чувствовала, что это затишье перед бурей. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая небо в бледно-розовые тона, а я уже сидела на кухне с чашкой крепкого чая и перечитывала список подозреваемых, который мы составили накануне. Помощник Сидорчука — молодой парень по имени Костя — всё не выходил у меня из головы. Он был слишком незаметным, слишком тихим, слишком... правильным для того, чтобы быть просто случайным прохожим.

Лерка ворвалась на кухню, когда я уже допивала вторую чашку. Она была в своём «боевом» костюме — джинсах, куртке и кепке, на которой красовалась надпись «Яйца — это сила». Я чуть не поперхнулась чаем.

— Ты серьёзно? — спросила я, разглядывая её наряд.

— Абсолютно! — Лерка гордо поправила кепку. — Я еду на птицефабрику. Под видом продавца яиц, который хочет закупить партию товара для своего магазина. Это идеальное прикрытие!

— И кто же будет продавцом яиц? — усмехнулась я, хотя внутри чувствовала знакомое волнение.

— Я, конечно! — она подмигнула. — Я договорилась с одним фермером, у него есть лицензия на продажу яиц. Он согласился прикрыть меня. Я приеду на фабрику, попрошусь

на склад, а там, если повезёт, найду что-то, что укажет нам на «Хранителя».

— А если тебя поймают? — спросил Аркадий, входя на кухню. Он уже был одет и готов к действию, но я заметила в его глазах тревогу.

— Не поймают, — отмахнулась Лерка. — Я же Лерка Каблукова! Я умею вживаться в роль. И потом, — она заговорщически понизила голос, — я взяла с собой перцовый баллончик. На всякий случай.

Я хотела возразить, но поняла, что это действительно может сработать. Лерка умела быть незаметной, когда это было нужно, и её способность вливаться в любую роль уже не раз спасала нас в прошлых расследованиях. К тому же, у нас не было других вариантов. Мы не могли просто так заявиться на фабрику с обыском, а Тартаренко ушёл в подполье и мог уничтожить все улики, пока мы медлили.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает решимость. — Но я поеду с тобой. Буду ждать в машине неподалёку. Если что-то пойдёт не так, ты подашь сигнал.

— Договорились, — Лерка кивнула и направилась к выходу, но на пороге остановилась. — И, Маня... если я не вернусь через два часа, значит, меня раскрыли. Тогда действуйте по плану «Б».

— Какому ещё плану «Б»? — нахмурилась я.

— Не знаю, придумай, — она подмигнула и выскользнула за дверь.

Мы с Аркадием переглянулись. План «Б» у нас действительно не был разработан, но я знала, что если Лерка попадёт в беду, мы сделаем всё, чтобы её вытащить.

Через час мы уже стояли у старой птицефабрики. Машину мы оставили в лесу, замаскированную ветками, а сами подошли к забору со стороны цеха №3. Лерка, уже в образе продавца яиц, уверенно вошла через главные ворота. Я видела, как она разговаривает с охранником, как улыбается и жестикулирует, как достаёт какие-то документы. Через несколько минут он пропустил её внутрь.

— Она справится, — сказал Аркадий, сжимая мою руку.
— Мы знаем её.

— Я знаю, — ответила я, хотя сердце всё равно билось быстрее обычного.

Прошёл час. Второй. Я уже начала нервничать, когда наконец увидела Лерку, выходящую из ворот. Она шла неспешно, с коробкой яиц в руках, и улыбалась. Когда она подошла к машине, я выдохнула с облегчением.

— Ну что? — спросила я, как только она села в машину.

— Я нашла кое-что, — сказала она, доставая из кармана куртки маленькую записную книжку. — Это лежало в кабинете начальника склада. Он забыл его, когда уходил на обед. Я быстро сфотографировала страницы. Смотрите.

Я взяла книжку и открыла её. Внутри были записи о поставках, даты, имена, суммы. Но на одной из страниц было написано: «Г.З. — последняя поставка — 15 марта — цех

№2 — утилизация». И рядом стоял тот же самый перечёркнутый полумесяц.

— 15 марта — это за день до отравления Геннадия Палыча, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает холод. — Он был здесь. Он уничтожал улики.

— И он знал, что мы придём, — добавил Аркадий, рассматривая запись. — Он опередил нас.

Мы сидели в машине, и я сжимала в руках записную книжку. Мы нашли ещё одну ниточку, но она вела в тупик. Г.З. уничтожил все следы. Но он оставил нам знак. Полумесяц, перечёркнутый крест-накрест. Это был вызов. И я знала, что мы должны принять его.

— Завтра мы пойдём в цех №2, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает решимость. — Мы должны найти то, что он пытался скрыть. Даже если это ловушка.

Марсель, сидевший на заднем сиденье, мяукнул, словно подтверждая мои слова. И я знала, что он прав. Мы должны продолжать. Потому что правда всегда побеждает. Даже если она спрятана в старом курятнике.

Мы сидели в машине ещё несколько минут, переваривая информацию. Лерка, покрасневшая от быстрой ходьбы и адреналина, вытерла лоб тыльной стороной ладони и снова заглянула в записную книжку. Она перелистнула несколько страниц, но дальше шли только пустые листы — словно начальник склада вёл записи исключительно для того, чтобы оставить след именно на этой странице. Слишком аккурат-

но, слишком намеренно.

— Это подстава, — сказал Аркадий, нарушая тишину. — Кто-то хотел, чтобы мы нашли эту книжку. Иначе зачем оставлять такое на видном месте?

— Или начальник склада — просто неаккуратный человек, — возразила Лерка, но в её голосе уже не было прежней уверенности. — Но ты прав, это выглядит странно. Книжка лежала прямо на столе, приоткрытая на этой странице. Как будто он ждал, что кто-то её возьмёт.

Я закрыла книжку и посмотрела на обложку. На ней не было ни названия, ни имени владельца. Обычная потёртая тетрадь, каких тысячи на любом складе. Но внутри, на первой странице, я заметила едва заметный след от карандаша — кто-то писал, потом стёр, и осталась только лёгкая вмятина. Я поднесла страницу к свету, пытаюсь разобрать слова. Получилось только одно: «Смотри под ноги».

— «Смотри под ноги», — прочитала я вслух. — Это подсказка. Или предупреждение.

— Может быть, он имел в виду, что мы должны искать что-то на полу в цехе №2, — предположила Лерка. — Мы были там ночью, но не осматривали пол как следует. Там могли быть люки, тайники, что угодно.

Мы решили, что сегодня вечером, когда стемнеет, снова проберёмся на территорию фабрики. Аркадий хотел дожидаться разрешения на обыск, но мы понимали: времени нет. Г.З. уже уничтожал следы, и если мы не опередим его,

улики исчезнут навсегда.

До вечера мы готовились. Лерка переоделась в чёрную одежду, которую назвала «боевым комбинезоном», и засунула в карман свой любимый перцовый баллончик, а заодно и маленький фонарик. Аркадий взял с собой пистолет — он всё ещё был при исполнении, и даже если мы действовали неофициально, он не хотел рисковать. Я захватила блокнот и несколько пакетов для улик. Марсель, как только понял, что мы собираемся на очередную вылазку, запрыгнул в сумку и отказался вылезать, всем своим видом показывая, что он идёт с нами и точка.

В одиннадцать вечера мы уже стояли у заднего забора фабрики. Аркадий помог нам перелезть, и мы бесшумно пробрались к цеху №2. Дверь была приоткрыта, как будто нас ждали. Я включила фонарик, и луч света разрезал темноту, выхватывая знакомый стол, знакомые стены, знакомый полумесяц на стене.

— Смотрите под ноги, — сказала я, направляя свет на пол.

Мы начали осматривать каждую доску, каждую щель. Лерка стучала по полу ногой, прислушиваясь к звуку. Марсель бегал между нами, принимаясь к углам. И вдруг он остановился в дальнем углу и начал настойчиво скрести ладонью по полу. Я подошла и увидела, что одна из досок чуть приподнята. Я присела и попыталась поддеть её пальцами. Она легко поддалась.

Под доской был небольшой тайник. Я заглянула внутрь и увидела старую металлическую коробку. Я осторожно достала её и открыла. Внутри лежали документы — письма, старые фотографии и маленький флакон с тёмной жидкостью. Я взяла один из листов и поднесла его к свету. Это было письмо, написанное от руки, на старом пожелтевшем листе:

«Манефа, если ты читаешь это, значит, ты нашла то, что я оставил для тебя. Я знал, что ты придёшь. Я знал, что ты будешь искать правду. Но я должен предупредить тебя: не все тайны должны быть раскрыты. Некоторые из них лучше оставить в прошлом. Г.З. — это не тот, за кого ты его принимаешь. Он — тот, кого ты уже знаешь. Просто посмотри вокруг. И ты увидишь его лицо».

Я прочитала письмо несколько раз, чувствуя, как внутри закипает холод. «Он — тот, кого ты уже знаешь». Это значило, что «Хранитель» — кто-то из нашего окружения. Кто-то, кому мы доверяли. Кто-то, кто был рядом всё это время.

Я взяла флакон и понюхала его. Запах был знакомым — ваниль и горький миндаль. Это было то самое противоядие, которое мы искали. Но оно было не для Геннадия Палыча. Оно было для меня. Или для кого-то из нас.

Мы быстро убрали все улики в сумку и покинули цех. Когда мы вернулись в машину, я сидела молча, перебирая в голове знакомые лица. Кто из них мог быть «Хранителем»? Кто знал все наши тайны и использовал их против нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.